

par  
M. DRAGOMANOW.

# ЗА ЧТО СТАРИКА ОБИДЦЛИ

Что его обижаетъ?

никогда (разъяснения по этому ТРЕПОВУ).

Драгомановъ.

(Изъ «Однинъ» №№ 3 и 4.)

Двѣ недѣли читалъ я русскія, французскія, англійскія, нѣмецкія, польскія газетныя разсужденія о дѣлѣ Засуличевой. Русскія газеты ликуютъ, французскія ворчатъ, нѣмецкія и англійскія разсуждаютъ; „Neue Freie Presse“ видѣтъ въ приговорѣ петербургскихъ присяжныхъ манифакель, фарсъ самодержавію; „Dziennik Poznanski“ и ради этого „своего рода разрушенію Бастіліи“ ї боятся, что „это оправданіе убийства“ разожжетъ руки ингилистамъ и доведетъ Россію до козачества. Начитался я всего этого и въ концѣ концовъ не могу не сказать: все это прекрасно, оправданіе Засуличевой дѣйствительно своего рода разрушеніе Бастіліи.— Если такъ, то и Александръ, пожалуй, выйдетъ своего рода Камиль Демулленъ! Оно, конечно, о его рѣчи можно бы многое сказать, но яѣдь побѣдителя не судятъ. А потому пусть онъ будетъ яиашъ Камиль Демулленъ. Но все же за что же и старика Трепова очень уже обижать?! Да и кто его обижаетъ?! Гулю Засуличевой, конечно, онъ заслужилъ винить,— но чиншки то на него и только на него одного вѣнятся со всѣхъ сторонъ право уже въ слишкомъ большомъ

количество, и громы, которые въ него летятъ изъ петербургскихъ газетъ,—громы совсѣмъ не изъ тучи.....

За что, въ самомъ дѣлѣ, старика обидѣли? То есть прежде всего: за что его Александръ Николаевичъ обидѣлъ? Зачѣмъ его подъ судъ присяжныхъ отдалъ? Вѣдь это его судили 31 марта, а совсѣмъ не Засуличеву: всѣ такъ это и поняли, и въ Россіи, и въ Европѣ. Такъ зачѣмъ же, за что же это позволилъ Александръ Николаевичъ?! За то, что Треповъ высѣкъ Боголюбова?! Господи, боже мой! Да вѣдь мало ли сѣкли, мало ли сѣкуть на святой Руси, мало ли безъ розогъ мучать хоть бы тѣхъ же Боголюбовыхъ такъ же жестоко, такъ же беззаконно?! А наконецъ, вѣдь Треповъ высѣкъ Боголюбова еще прошлымъ лѣтомъ, — отчего же подъ судъ его отдали только послѣ того, какъ его обвинила пуля Засуличевой? Положимъ, самодержецъ всегда въ иѣкоторомъ родѣ малолѣтокъ,— и мы охотно вѣримъ, что Александръ Николаевичъ, созерцая за Дунаемъ, какъ его братецъ, архистратигъ Николай, не умѣеть бить турокъ и какъ его слуги умѣютъ обкрадывать солдатъ,— могъ не знать всѣхъ подробностей подвига своего стараго тѣлохранителя. Но вѣдь въ общихъ чертахъ онъ долженъ же быть знатъ провинность Трепова, и, конечно, рѣшилъ, что Треповъ въ своемъ родѣ тоже „вышелъ изъ законности, чтобы вступить въ право,“ — и что въ Римѣ, т. е. къ истребленію „нигилизма,“ который такъ не къ стати портить карьеру внутренняго и внѣшняго царя освободителя,— всѣ дороги ведутъ одинаково. Вѣдь не вѣруй Треповъ въ этотъ догмагъ, — подумайте, стать ли бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, сѣчь Боголюбова, да еще иѣкоторымъ образомъ въ чужомъ дворѣ, у гр. Палена, — стать ли бы онъ скандализировать карьеру майора Курчиева, безспорно проявившаго и въ день достопамятнаго сѣченія, и въ день еще болѣе достопамятнаго выстрѣла таланты Цербера, столь необходимые для „спасенія общества“ и въ будущіи времена. Конечно, не сталъ бы! Та за что же его, стараго служаку, обидѣли? Неужто это только, что Вѣра Засуличева въ него выстрѣлила?

Главнымъ образомъ, конечно, только за то! Въ этомъ не только нельзя сомнѣваться, но это, очевидно,

до принять къ свѣдѣнію. Самооборона, воздаяніе „око за око, зубъ за зубъ“—все это вещи, которыя неудобно прятать за ширму. А тутъ еще этотъ проклятый Константинополь, съ этими проклятыми „turkish atrocitys:“ чуть что,—сейчасъ и скажутъ: „однако, братъ, и тебя рыльце въ пушку?!" Ну, не будь еще этого проклятаго выстрѣла,—какъ-нибудь бы и спряталъ этотъ пушокъ, тѣмъ болѣе, что и Европа, имѣя свой пушокъ на бородѣ, не очень то много говорила объ „atrocity,“ устроенной генераломъ Треповымъ съ майоромъ Куриевымъ надъ политическими преступниками, или, короче—„нигилистами.“ Но выстрѣлъ плюсъ Константинополь оказались величинами, неудобоспрятываемыми даже и для всероссийской императорской занавѣски. И пришлось судить За суличеву судомъ присяжныхъ, а не экстернимъ судомъ, который бы, конечно, повернуль дѣло иначе.

Ну, опять таки, кто же думалъ, что ее оправдаются! Думалось, что „присяжные поймутъ деликатность положенія, оцѣнятъ предупредительность правительства, покажутъ, что имъ можно безопасно для всѣхъ существующихъ порядковъ—читай: помпадуровъ—довѣрить судъ въ подобныхъ дѣлахъ“... ну, какъ тамъ это говорится въ умѣренно либеральныхъ газетахъ?! Думалось, что присяжные скажутъ: „виновна, но съ смягчающими обстоятельствами,“ а судъ приговоритъ на 5—6 лѣтъ кагорги,—милостивый монархъ уменьшитъ срокъ на годъ—два, и всѣ возликуютъ: и дешево, и сердито!

Всѣ эти соображенія, конечно, уменьшаютъ вину Александра Николаевича передъ старикомъ, но не снимають ее совсѣмъ. Чѣмъ онъ, старикъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ, что Александръ Николаевичъ вздумалъ болгаръ освободить какъ разъ въ то время, когда онъ видѣлъ необходимость нигилистовъ посыпь? Вѣдь ему же не сказано было Александромъ Николаевичемъ передъ отѣзdomъ, что „теперь, братъ, па это самое время, пока я болгаръ буду вѣбождать, все это надо оставить!“ А еще болѣе: чѣмъ старикъ виноватъ, что въ него стрѣляли? Вѣдь въ этихъ же не стрѣлялъ никто!

Отъ графъ Паленъ, напр., съ Жихаревымъ, Желехов-

скимъ, Потаповымъ. Они никого не высѣкли, такъ вѣдь, во первыхъ, повода не было, а во вторыхъ, почему же это только за сѣченіе стрѣляютъ? А аресты сотнями „всѣхъ подозрѣваемыхъ лицъ“, а замариваніе въ тюрьмахъ людей, которыхъ даже исключительный судъ долженъ быть признать невиновными, — замариваніе единственно „для оттѣненія виновности другихъ“, какъ, говорятъ, очень мало выразился прокуроръ Желеховскій? Чѣмъ это лучше сѣченія? И однакожъ все это сошло и безъ выстрѣла, и безъ суда. За что-жъ одного старика Трепова обидѣли и выстрѣломъ, и гласнымъ судомъ присяжныхъ?! Ужъ если на то пошло, если уже Константинополь не позволялъ расправиться съ Засуличевой по домашнему, если нельзя было выдать такой указъ, по которому ее бы судили сенаторъ Петеръ съ одесскимъ головой Новосельскимъ, такъ Александръ Николаевичъ развѣ не могъ бы устроить какой-нибудь Соломоновъ судъ; сказать Засуличевой: „иди и не грѣши!“ — а Трепову: „усердствуй да оглядывайся!“ Это тѣмъ болѣе легко можно было сдѣлать, что изъ „порядочныхъ людей“ никто собственно и не разсчитывалъ на то, что дѣло будуть судить присяжные (мы на то имѣемъ доказательство въ тонѣ, какимъ говорили объ немъ спачала газеты), а „ингилисты“ все равно никакихъ судовъ не признаютъ.

Дальше говорятъ: дѣло было не въ выстрѣль, а въ произвольномъ сѣченіи Боголюбова и въ несчастной судьбѣ Засуличевой: — въ ея произвольномъ арестѣ по дѣлу Нечаева, а потомъ въ административной ссылкѣ. Прекрасно: только Треповъ все таки при чемъ? Вотъ, напр., „Биржевые Вѣдомости“ заявляютъ, что „устами г. Коини, предсѣдателя суда 31 марта, говорила сама Фемида“, хотя эта Фемида пускалась въ мелкія ябедки; напр., пробовала ловить Засуличеву на противорѣчіяхъ и тѣмъ показала, что она не даромъ была въ прокурорахъ и строчила циркуляры для гр. Налена. Такъ вотъ, знаете ли, что эта Фемида-Коини виновна въ судьбѣ Засуличевой гораздо больше Трепова, который, собственно, въ ней совсѣмъ не виновенъ. Вѣдь г. Коини съ сенаторомъ Чемодуровымъ, съ „гуманнымъ и просвѣщеннымъ прокуроромъ Стадольскимъ“ и др. былъ однимъ изъ участниковъ той комиссіи, которая производила слѣдствіе.

по дѣлу Нечаева, а слѣдовательно быть причастенъ къ не-заслуженнымъ бѣдствіямъ Засуличевой. И вѣдь опять таки во всѣхъ этихъ господъ, равно какъ и въ гр. Шувалова, Потапова и др., которые посыпали Засуличеву изъ города въ городъ въ ссылку, никто не стрѣлялъ, иихъ никто не судилъ. А чего доброго, они еще аплодировали оправданію Засуличевой.

Какъ хотите, а это и несправедливо, и непослѣдовательно! Но ужь что всего несправедливѣе и непослѣдовательнѣе, такъ это крики и намеки петербургскихъ газетъ по поводу суда надъ ген. Треповымъ.

Конечно, не кричать имъ нельзя, когда публика кричитъ, когда „средний петербургскій человѣкъ“, сказалъ: „да, Треповъ виновенъ!“ Иначе публика не стала бы покупать ихъ. Но вѣдь нужно же и честь знать. Что, въ самомъ дѣлѣ: Треповы, Потаповы, Шуваловы,—со вчерашняго дня что ли стали расправляться надъ нашимъ братомъ? Почему же вы молчали прежде, да еще панегирики имъ писали даже сей-часъ же послѣ выстрѣла Засуличевой? Очевидно, потому только, что никакъ не ожидали, что дѣло приметъ такой об-ротъ. Вотъ, напр., одна изъ газетъ, „С.-Петербургскія Вѣдо-мости,“ изобразила планъ храма святаго Софіи-премудрости санктпетербургской, т. е. домъ градоначальника, въ кото-ромъ „произошло необыкновенное, ужасное событие:—мет-кая и злая пуля сразила почтеннаго годами и дѣятельностью человѣка“ (№ 25). Положимъ, статью эту въ академическую газету писать полицейскій, можетъ быть, самъ Церберъ-Куриловъ, потому что, кроме плана и всякихъ подробнотей, которая могъ написать только очевидецъ, мы видимъ въ статьѣ опущеніе такой подробности, какъ душение Куриловымъ Засуличевой, вместо коего видимъ трогательное описание, какъ Куриловъ бросился на помощь градоначальнику. Но вѣдь редакторы все же не полицейскіе, — да и не маленькие. Они вѣдь напечатали эти словечки: „почтен-ный дѣятельностью человѣкъ“—уже послѣ съченія Боголю-бова, о которомъ они, конечно, прекрасно знали. Послу-шайте же, какъ теперь они докладываютъ объ этомъ почтен-номъ человѣкѣ: „Но что на судѣ болѣе всего повліяло на присяжныхъ и на присутствующихъ, — такъ это разслѣдо-

ваніе дѣла о высѣченіи, по приказанію генер. адъютанта Трепова, Боголюбова. Подробности были отталкивающія.\*.) Перспектива розогъ, какъ помостъ къ плетямъ, кнутамъ и шпицрутенамъ, и при томъ основаннымъ на произволѣ, возбудила самое непріязненное чувство. Въ добавокъ надо замѣтить, что полицейскіе чины, вызванные, какъ свидѣтели, давали показанія неполныя и отрывочные (показаніе Курібѣева), что тоже произвело невыгодное впечатлѣніе.“ (№90).

Вотъ вамъ и память о своихъ словахъ, вотъ вамъ и благодарность къ сотрудникамъ изъ полицейскихъ!

Другая газета, ужъ, право, не знаемъ, офиціознала ли, или добровольская, — „Голосъ“ — шумитъ теперь еще болѣе: ея фельетонисту, тому самому, что подписывался редакторомъ „Гражданина“ въ то время, когда сей почтенный журналъ предлагалъ точку въ реформахъ поставить, — такъ даже чудится, что „его самого, всѣхъ насть судили“ 31 марта. Ген. Треповъ у него приравнивается къ башибузукамъ, точно въ женевской брошюрѣ, Засуличева же оказывается „недюжинная душа.“ Фельетонистъ „хочетъ вѣрить, что дѣло ея оставитъ следъ въ нашей внутренней жизни.“

А вотъ послушайте, что писалось въ томъ же самомъ „Голосѣ“ 29 Января: „Ѳ. ѩ. Треповъ — имя популярное въ народѣ, — разсуждалось въ томъ же самомъ мѣстѣ газеты, и приводились въ подтверждение толки, будто бы слышанные фельетонистомъ и будто бы народные: „Мало ей, похитительницѣ, жили вырвать!“ — Послѣ сего слѣдовали таковыя мысли въ слухѣ: „О, если бы слышала эта несчастная, поднявшая руку на этого „легкаго“ старика, умѣвшаго такъ заручить за собою симпатіи народныя! Каковы бы ни были побужденія, вооружившія эту руку, какою бы непереносимою ни могла казаться (только казаться!) обида, на отмщеніе которой вооружилась она, — совершенному ею кровавому дѣлу нѣть извиненія! Ужасна та отправленная нравственная атмосфера,

\*) А сѣченіе безъ „подробностей“ — ничего? ! Только какъ же это сѣчь безъ „подробностей“?

въ которой нарстаютъ и созрѣваютъ подобные замыслы, изъ которой идутъ люди на такія дѣянія.“

Правда, подъ однимъ „Листкомъ“ подписано Волна, а подъ другимъ Г. Градовскій (Гамма). Но вѣдь редакція все-таки одна,— да и гдѣ такой Гельмгольцъ, который бы уловилъ законы звуковыхъ волнъ и гаммъ „Голоса“ и ему подобныхъ органовъ русской печати! Кончала же и Гамма свои волны точкой, издѣвалась же и она „надъ тою средою, откуда выходятъ Боголюбовы.“ Такъ зачѣмъ же эти господа, эти „Голоса“ теперь обижаютъ бѣднаго старика?!

Можетъ быть, впрочемъ, они прозрѣли теперь. — Это, конечно, въ ихъ возрастѣ нѣсколько удивительно, — но бываетъ! — Только нѣтъ! Приглядитесь поближе къ ихъ либеральничанію по поводу приговора 31 марта, и вы увидите, что горбатого отъ холопскихъ согбеній только могила исправить и что эти господа не поняли ни на волосъ истиннаго смысла этого приговора и волненія, которое онъ произвелъ въ обществѣ.

Академическая газета сейчасъ же послѣ выписанныхъ выше словъ размышляетъ: „Пока будетъ существовать государство и общество, до тѣхъ поръ будутъ существовать и политическія преступленія и такъ называемая административная ссылка (такъ называемая?! — а какъ же ей еще называется?). Но весьма желательно, чтобы не было закулисной стороны ни для политическихъ преступлений, ни для административной ссылки, иначе мы будемъ свидѣтелями такихъ аномальныхъ и невозможныхъ явлений, которыхъ обращикомъ служитъ все дѣло Засуличъ съ ея арестомъ, административною ссылкою (а сѣченіе?), выстрѣломъ въ г. а. Трапова и, паконецъ, оправданіемъ на судѣ.“ И такъ „оправдание“ — тоже „невозможное явленіе,“ — а „сѣченіе,“ вѣроятно, — „возможное,“ только бы оно было „не закулисное?!“ Вѣдь, по вашему, и административная ссылка всегда будетъ, „пока будутъ существовать государство и общество,“ — хоть есть уже и теперь государства, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго „административной ссылкѣ,“ да и въ одномъ изъ вашихъ же законовъ написано, что никто не можетъ быть наказанъ безъ приговора суда. И что же такое „закулисная сторона,“ какъ не админи-

стративная расправа безъ суда? Интересно бы было посмотретьъ, какъ это будутъ губернаторы, шефы жандармовъ, министры внутреннихъ дѣлъ не за кулисами, а передъ кулисами, и нормально, а не аномально, ссыпать людей въ мѣста, куда Макаръ телятъ гоняетъ,—и какое будетъ отъ этого облегченіе для обывателей!

Очевидно, органъ министерства народнаго просвѣщенія зарапортовался, и ничего не понялъ въ приговорѣ 31 Марта, и вообще мало смыслитъ въ порядкахъ не только общественныхъ, но и государственныхъ. Но и другие собраты его не далеко ушли.

Вотъ „Голосъ“ и въ самомъ фельетонѣ г. Градовскаго глаголетъ: „Намъ даны законы, уставы, положенія,—созданы учрежденія, но кто же ихъ не соблюдаетъ, кто прямо и косвенно потворствуетъ разладу между словомъ и дѣломъ?“ — Да никто же, — отвѣчаемъ мы, — какъ тѣ же законы, уставы, положенія, учрежденія, которыя намъ даны; никто, какъ тотъ же, кто ихъ намъ даетъ! Развѣ административная ссылка — не положеніе? развѣ III Отдѣленіе — не учрежденіе? развѣ воля самодержца — не законъ? развѣ Треповъ и Потаповъ — не руки самодержца?! А если онъ и надавалъ вамъ полуреформъ, — такъ вѣдь онъ же не клялся, что „не будетъ разницы между словомъ и дѣломъ;“ а если бы и клялся, такъ клятва его была бы только словомъ. О чёмъ же тутъ и разговаривать?

„Московскія Вѣдомости,“ этотъ едва ли не единственный, послѣ прекращенія газеты Аскоченскаго, послѣдовательный органъ въ русской столичной печати, заявили, что приговоръ 31 марта — „скандалъ,“ а тѣ, кто одобрялъ его, „бунтовщики и измѣничи благо царя.“ И, конечно, „Московскія Вѣдомости“ прекрасно поняли и смыслъ приговора, и отношеніе къ нему публики. Весьма можетъ быть, что присяжные 31 марта — преискренние монархисты и о последствіяхъ своего приговора и не думали. Судъ присяжныхъ тѣмъ и хорошъ, что не даетъ много думать да оглядываться, а судить по первому впечатлѣнію фактовъ, которое, какъ известно, всегда почти бываетъ хорошимъ. Но тѣмъ не менѣе всетаки приговоръ 31 марта былъ

приговоръ надъ цѣлой системой, безъ которой и все это событіе невозможно. А система эта всетаки — бѣлый царь.

„Голосъ“ отвѣчая „Московскимъ Вѣдомостямъ“ отрекается отъ всѣхъ своихъ либеральныхъ намековъ, когда присягаетъ: „мы не бунтовали, мы не измѣнники бѣлого царя!“ — и, очевидно, не понимаетъ даже самого себя, когда говоритъ: „Никому въ мысль не приходило оправдывать покушеніе на убийство. Напротивъ, всѣ, бывшіе на судѣ, непосредственно ознакомившіеся съ подробностями дѣла, искренно пожалѣли о существованіи причинъ, вызывающихъ столь прискорбныя послѣдствія.“

Да вѣдь данное „покушеніе“ покушеніе-то Вѣры Засуличевой, есть не покушеніе на убийство вообще, а отвѣтъ на дѣяніе Трепова въ частности, и безъ него не мыслимо. Одно изъ двухъ: — оправдываете ли вы дѣяніе Трепова или не оправдываете? И сообразно съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ вы можете отвѣтить и на вопросъ: оправдываете ли вы покушеніе В. Засуличевой или не оправдываете? А дальше, — какія же „причины, вызывающія столь прискорбныя послѣдствія, какъ арестъ и ссылка Засуличевой, — какія же причины, какъ не „бѣлое царство?“ Даже причина персональныхъ дѣяній Трепова и причина выстрѣла въ него есть все-таки персонально же „нынѣ благополучно царствующій бѣлый царь.“ Онъ поставилъ Трепова, онъ „дале ему область сыномъ божіимъ въ Петроградѣ быти,“ онъ оставилъ его безнаказаннымъ до сихъ поръ; III Отдѣленіе его собственной канцеляріи не пустило на судъ 31 марта свидѣтелей Купріянова и Волховскаго, которые могли бы поразсказать вещи, далеко оставляющія за собою все то, что слышали люди на этомъ судѣ. Что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, малолѣтокъ, что ли, этотъ бѣлый царь-реформаторъ, если онъ не знаетъ и не хочетъ знать того, что дѣлаютъ его правыя руки, если онъ не въ состояніи понять причинъ всего того, что дѣлается въ его царствѣ?!

Если же онъ въ самомъ дѣлѣ малолѣтокъ, такъ будетъ ему разыгрывать роль „главы великаго народа,“ а пусть онъ шелъ бы редакторствовать въ „Голосѣ“ или въ „Но-

вое Время.“ Вотъ и это „Новое Время“ тотчасъ послѣ приговора 31 марта пустилось увѣрять, что это приговоръ не „противъ государства, а за государство.“

То есть, позвольте, за какое же этого государство? За Volksstaat Бебеля? за Соединенные ли Сѣвероамериканскіе Штаты? за Англійскую ли конституціонную монархію, или за государство Александра Николаевича?! Судъ 31 марта былъ въ Россіи, а въ Россіи мы знаемъ одно государство — государство самодержавнаго Александра Николаевича съ самодержавными Треповыми, Потаповыми, съ самодержавными жандармами, которые были женщины, провожавшихъ Засуличеву, съ тѣми жандармами, которые хотѣли ее арестовать послѣ оправданія судомъ и могли бы ее отправить въ ссылку, если бы она не ушла. Государство Александра Николаевича высочайше повелѣло „совершенно прекратить изданіе“ газеты, осмѣлившейся напечатать скромнѣйшее письмо Засуличевой, въ которомъ она выражала готовность подчиниться суду, но не административному произволу. Это государство наконецъ установило то министерство внутреннихъ дѣлъ, которое запретило розничную продажу самому „Новому Времени“ за „распространеніе ложныхъ извѣстій“, т. е. собственно за сообщеніе части правды о томъ, какъ полиція била публику. Такъ вотъ редакція „Нового Времени“ вовсе не противъ такого государства, а за него! Такъ противъ чего же она?!

Защищая петербургское „избранное общество“ отъ обвинений „Московскихъ Вѣдомостей“ въ измѣнѣ и упоминая о „явленіяхъ“, совершающихся въ одно время въ Одессѣ, Киевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, „Новое Время“ опять бормочетъ: „Эти явленія не угрожаютъ никаколько государственной власти, не ослабляютъ ея силы и значенія. Но они указываютъ на болѣзниные симптомы нашего организма, вызывающіе необходимость лечения, а не кары. Какія средства нужны для лечения,—это другой вопросъ, но несомнѣнно, что не взаимными пререканіями, упреками и обвиненіями можно подвинуться къ его спокойному и разумному разрѣшенію.“

Несомнѣнно, что „не взаимными пререканіями“ и проч., хотя—какъ же это вы избѣгнете и пререканій между „из-

мънниками и слугами бѣлого царя?" Но еще несомнѣннѣе, что бормотаньемъ, да еще лакейскимъ, не поможешь Россіи въ настоящемъ кризисѣ. Что это за слова: „болѣзnenные симптомы, лечение“ и и т. п.? Кто боленъ, или, если ужь говорить по вашему, чѣмъ больше больна Россія — Треповыимъ съ Александромъ Николаевичемъ, или Боголюбовыимъ съ Засуличевою? Какъ ее лечить? Вѣдь кто-нибудь, пожалуй, сведетъ лечение на холодную воду, а то и на розги, или на латинскія спряженія, которыхъ прописали же Россіи Леонтьевъ и гр. Толстой послѣ Каракозова! О такихъ вещахъ надо говорить сразу и прямо, а не бормотать богъ знаетъ что и отсылать людей „до другаго вопроса.“ Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, никакого такого „другаго вопроса“ петербургская газета не подняла. Мало того, наша статейка была уже вся набрана, когда мы получили пасхальный № „Нового Времени,“ въ которомъ самъ „откровенный“ издаватель этой газеты, возвратившись изъ Москвы, съ восторгомъ о какой то неизвѣдомой міру „старой московской свободѣ,“ объявилъ пре-откровенно, что „пора уже забыть“ все то, что случилось въ обѣихъ столицахъ въ послѣднія горячія двѣ недѣли. Этимъ онъ поставилъ весьма явную точку на всѣ бормотанія своей газеты, и точка эта: „пора забыть“ — такъ же, конечно, должна прославить ея автора, какъ и знаменитая точка гг. Мещерского и Градовского.

Но Александръ Николаевичъ не такъ забывчивъ и еще откровеннѣе, такъ что мы рѣшительно поддерживаемъ его кандидатуру въ редакторы „Нового Времени.“ Онъ тоже поставилъ точку надъ всѣмъ случившимся въ послѣднее время, тоже снесъ и поднесъ Россіи пасхальное яичко: послѣ всего-то случившагося онъ произвелъ Трепова въ генералы отъ кавалеріи! Неправда ли: очень кавалерское обращеніе съ обществомъ? Теперь право, казалось бы, только тумбы на мостовыхъ Петербурга не поймутъ, что это самъ бѣлый царь, а не Треповъ съ Куриѣвымъ истязалъ людей въ домѣ предварительного заключенія!

И однажды, мы совсѣмъ неувѣрены, что петербургскія газеты поймутъ и эту точку бѣлого царя и поймутъ, въ чёмъ же это состоитъ „болѣзнь“ Россіи? А потому

бросимте, читатель, этихъ господъ и будемъ говорить „сами промежъ себя.“

„Кризисъ,“ который переживаетъ теперъ Россія и котораго „явленія,“ случившіяся на дняхъ въ Одесѣ, Киевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, служать показателями, начался не вчера, а еще въ 1861 — 62 гг., когда стало ясно маломальски мыслящимъ людямъ, что „Царь-реформаторъ“ во все не думаетъ раставаться ни съ людьми, ни съ системою своего „дражайшаго родителя“ и не умѣеть сдѣлать сколько нибудь спосио даже собственныхъ полуреформъ, начиная отъ пресловутой крестьянской реформы. Тогда уже раздались въ Россіи голоса о необходиности самому обществу взять въ руки правленіе дѣлами Россіи. Тогда же начались и тѣ явленія, съ которыми наивные люди познакомились только на процессѣ 31 марта: произвольные аресты, ссылки, даже, говорятъ, сѣченіе и пытки политическихъ преступниковъ и въ Петербургѣ, и въ Сибири. Польское восстание прибило начавшееся тогда движение среди „людей съ положеніемъ,“ — и въ активной оппозиції государству Александра Николаевича остались только немногіе люди изъ молодежи, и притомъ соціалистического направления. Этимъ объясняется весь характеръ дальнѣйшаго движенія въ Россіи. По существу своему движение это состоитъ изъ двухъ потоковъ: общеевропейскаго, соціального, и специально россійскаго — противусамодержавнаго. Когда въ активной оппозиції правительству Александра II, Треповыхъ, Шуваловыхъ, Толстыхъ и т. п. осталась только соціалистическая молодежь, тогда политическая сторона движения ослабла, была даже многими изъ нея осуждена, какъ лишняя, или даже вредная. Но соціалистическая сторона росла съ половины 60-хъ годовъ все больше и больше и выступила наружу въ цѣломъ рядѣ процессовъ послѣднихъ лѣтъ. Преслѣдованія, которымъ подвергалась въ эти годы соціалистическая молодежь въ Россіи, отличались безмѣрнымъ варварствомъ и произволомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что они направлялись противъ движенія гораздо болѣе теоретического, нежели практическаго, противъ дѣйствій гораздо болѣе домашнихъ, чѣмъ публичныхъ. Эти преслѣдованія, въ связи съ процессомъ дальнѣйшаго раз-

вітія ідей, натолкнули гонимыхъ соціалистовъ въ Россії на новые пути и при томъ на болѣе публичныя дѣйствія, начиная съ манифестаціи на Казанской площади, т. е. со случая, который былъ первымъ звеномъ исторіи, теперь такъ волнующей публику.

Люди изъ соціалистической молодежи, которые, нужно сказать, совсѣмъ не участвовали въ такихъ практическихъ соціальныхъ, народныхъ волненіяхъ, какъ Чигиринское дѣло, восстание крестьянъ въ Воронежской губерніи, уральскихъ козаковъ, даже въ забастовкахъ рабочихъ столичныхъ; которые не тронули царьцемъ ни одного лорда Лейтрома, ни подрядчика или фабриканта, — выходятъ теперь на площадь съ протестомъ противъ гоненія и ссылокъ въ Сибирь, убиваютъ шпиона въ Ростовѣ, отстрѣливаются отъ жандармовъ въ Одессѣ, стрѣляютъ въ прокурора въ Кіевѣ. Дѣвушка, о политическомъ и соціальномъ образѣ мысли которой мы не имѣемъ права говорить, такъ какъ сама она не выказала его публично, — стрѣляетъ въ генерала, совершившаго произволъное истязаніе надъ Боголюбовымъ. Даѣе, шестая часть студентовъ въ Кіевѣ протестуетъ публично съ подписями противъ ареста ихъ товарища и изгоняется профессорскимъ судомъ изъ университета.\*<sup>1</sup>) Молодежь въ Москвѣ публично заявляетъ сочувствіе къ безъ суда ссылаемымъ за этотъ протестъ кіевскимъ студентамъ. Все это явленія разной силы и достоинства.<sup>\*\*</sup>) Но эти явленія одниако-

\*<sup>1</sup>) Ну, да и умныя головы эти кіевскіе профессора! Того и гляди, что профессоръ уголовного права предложитъ шестую часть людей въ Россії въ острогъ посадить, а профессоръ оперативной хирургіи начнетъ лечить вырѣзываніемъ головного мозга и сердца! Да чего и ждать отъ людей, которые выбрали себѣ головою такую голову и на такой шей, какъ у Матвѣева, и послали его говорить со студентами въ такой горячій часъ! Если бы у нихъ дѣйствительно были на плечахъ умныя головы, то они бы должны были еще въ прошломъ году, вместо лакейского адреса самодержцу, (подавать который вѣдь не входило же въ прямыя ихъ обязанности и говорить въ коротомъ они могли отъ имени чего угодно, только не отъ «имени науки») должны были подать адресъ обѣ установлений въ Россіи политической свободы. При ней, конечно, и всей этой «университетской исторіи» не было бы.

\*\*) Нельзя же ставить въ одинъ рядъ язное сопротивление въ

во политической, а че социалистической, хотя и вытекшія необходимо, и навѣрно, болѣе бессознательно, чѣмъ сознательно, изъ социалистического движения молодежи послѣднихъ лѣтъ. Этой молодежи слишкомъ наболѣли всѣ эти катоги, ссылки, аресты, шпиона, прокуроры, Треповы, безмолвно сносить которыхъ значитъ потворствовать имъ. — Вотъ разгадка тѣмъ „явленіямъ“, которыя, какъ лавина, растутъ въ послѣдніе мѣсяцы въ разныхъ углахъ Россіи. Отношеніе публики ко всѣмъ этимъ явленіямъ протеста противъ политического строя Россіи въ послѣдніе дни показываетъ, что движение на этотъ разъ уже вышло за предѣлы исключительно кружковъ людей социалистического образа мыслей и учащейся молодежи.

Движеніе опять становится общественнымъ, какъ въ 1860 — 1863 гг., но при этомъ болѣе сознательнымъ, болѣе решительнымъ и, въ добавокъ, такимъ, которое, прошедшіе чрезъ фазу „хожденія въ народъ“, какъ бы это хожденіе ки было несовершено, притянуло къ себѣ и извѣстную часть городскихъ рабочихъ. Мы видѣли, что оно ростетъ стихійно, какъ лавина, — и ростетъ не только на перекоръ преслѣдований, но ростетъ и усложняется именно подъ влияніемъ преслѣдований, а потому очевидно, что его никакими преслѣдованіями, ни даже мясницкими кулаками не остановишь. Вѣдь и самая московская мясницкая драка вызоветъ же разговоръ и между московскимъ „простонародьемъ“ о томъ, чего такого, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ „студенты — измѣники бѣлаго царя?“ — А теперь есть же люди и между рабочими, которые съумѣютъ разъяснить этотъ вопросъ. Очевидно, что сопротивленіе этому движению сдѣлаетъ его только озлобленіе, кровавѣе.

Вотъ тутъ-то и является испытаніе для „среднихъ“ элементовъ въ обществѣ, которыхъ суды произвѣла генер. Трепова и наши газеты хотятъ быть выразителями. Тутъ бормотаньями, да вздохами о гибели молодыхъ силъ, да ахами обѣ избираемыхъ протестующими средствахъ, да увѣщаніями „изменить“, да „изобождать“ ничего не подѣ-

Одесѣ и такое же дѣйствіе Засуличевой съ тайнымъ убийствомъ въ Ростовѣ или покушеніемъ въ Кіевѣ.